
Г. ХРУСТОВ

КАТЕГОРИЯ СКАЧКА И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Общетеоретические проблемы становления человеческого общества за последние годы все более привлекают к себе внимание антропологов, археологов и этнографов. В ведущейся в настоящее время дискуссии об этапах становления общества принципиальное значение имеет правильное применение философских категорий, в особенности категории скачка, к процессу возникновения человеческого общества. Точка зрения, которую недавно выдвинул в ходе этой дискуссии Б. Ф. Поршнев, обосновывается им преимущественно аргументацией, относящейся к области философии. В связи с этим необходимо специально рассмотреть вопрос о правильном понимании и применении научных категорий при анализе проблемы становления человеческого общества.

Процесс возникновения и становления общественных закономерностей представляет собой в качественном отношении переход к новой форме движения материи, скачок. Этот переход к новому качественному состоянию не совершился единым актом, но сам имеет свою историю. От момента возникновения элементов нового качества до появления общества идет сложный процесс нарастания нового качества — процесс в высшей степени постепенный, охватывающий сотни тысяч лет. Развитие антропологии приводит к все большему заполнению промежуточными формами цепи, ведущей от обезьяны к человеку современного типа. Как совместить этот постепенный характер процесса, как будто подтверждающий известную формулу «природа не делает скачков», с диалектическим признанием скачкообразности процесса развития, перехода к новому качеству?

Следует прежде всего отметить, что категория скачка не связана необходимым образом с каким-либо определенным темпом развития. Скачок есть перерыв постепенности, но отнюдь не перерыв самого процесса развития, формой которого он является. Скачок есть переход к новому качеству — таково философское содержание этого понятия. Как совершается сам процесс перехода к новому качеству, какими темпами он идет, какие формы принимает, через какие стадии проходит — это другой вопрос. Природа и общество дают бесконечное разнообразие форм перехода от старого качества к новому, и философское положение о скачкообразности процесса развития не связано с исключительным признанием какой-либо одной формы перехода к новому качеству. Поэтому медленность, постепенность процесса развития не является аргументом против того, что здесь на деле происходит скачок, переход к новому качеству.

Далее, признание того, что взятый в целом переход к новой форме движения материи — общественной — есть скачок, никоим образом не исключает признания наличия скачков внутри самого процесса перехода к новому качеству¹. Развивающееся явление имеет множество сторон, связей, отношений, и в какой бы плоскости мы ни рассекали предмет в

¹ «...промежуточные звенья доказывают только, что в природе нет скачков именно потому, что она слагается сплошь из скачков» (Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1950, стр. 217).

исследовании, мы везде обнаружим наличие качественных переходов. Учесть все качественные скачки во всех отношениях невозможно как в силу бесконечности объекта, так и в силу специфики самого исследования. Никакая наука не изучает весь объект в целом, но лишь ту его сторону, которая и является предметом науки; сама эта сторона представляет собой совокупность сложных связей, требующих расчленения и синтеза и т. д. Исследуя какое-либо явление, необходимо вычленив «плоскость сечения» объекта, в которой производится исследование.

Возникновение первой тонкой прослойки общественных отношений — отношений в связи с орудиями труда — не означало еще возникновения общества. Тот факт, что развитие этого нового качества шло вместе с филогенетическим развитием самого носителя этого нового качества — от питекантропа до человека современного типа — означает, что биологические закономерности продолжали действовать в том же коллективе, в котором развивались общественные явления. Основным здесь является то, что переход на более высокую ступень производства не мог произойти без изменения физического типа самих производителей. Это означает, что общественные закономерности в своем развитии и функционировании были ограничены биологическими моментами. Весь ход развития состоял во все большем и большем освобождении от этого ограничения, причем само это освобождение было результатом развития нового качества — общественных закономерностей. Но пока оставалась зависимость функционирования общественных закономерностей от биологии самого носителя этих закономерностей, не могло возникнуть общество как таковое.

Поэтому с полным основанием ряд советских ученых рассматривает процесс возникновения и становления общественных закономерностей, новой формы движения материи, именно в этой плоскости. «Сечение» такого рода диктуется самим характером процесса становления общества.

Возникновение общества — качественный скачок, появление новой формы движения материи — есть длительный процесс становления общественных закономерностей. Проблема возникновения общества должна рассматриваться с точки зрения развития. Ответ на вопрос: где же начало человека и человеческого общества, может дать лишь рассмотрение в с е г о процесса, а не какого-либо его пункта, взятого отдельно. Речь идет таким образом о е д и н о м с к а ч к е — процессе становления общественных закономерностей. Рассматривая, однако, самый этот процесс, можно найти целый ряд качественных ступеней его развития, т. е. скачков. Это второй вопрос, который нельзя смешивать с первым. Дело не в том, как называть эти ступени — скачками или поворотными пунктами, а в том, чтобы найти действительно важнейшие этапы в едином процессе становления общества.

В советской науке утвердилась теория, наиболее полно и последовательно развиваемая в работах Я. Я. Рогинского, признающая существование двух таких этапов в развитии единого процесса становления общества, единого скачка. В соответствии с фактами антропогенез рассматривается здесь как переход к новому качеству, который совершается путем постепенного накопления элементов нового качества внутри старого качества и постепенного отмирания элементов последнего. Новое качество — это общественные закономерности, старое качество — биологическая форма движения материи.

В этом плане первым этапом в процессе становления общественных закономерностей является возникновение прослойки общественных отношений внутри первобытного стада, подчиняющегося биологическим закономерностям, возникновение элементов отношений между становящимися людьми в связи с появлением орудий труда. Само появление этого нового элемента есть длительный процесс, изготовление каменных орудий есть его основной признак. Здесь нам важно отметить, что «коллективная дея-

тельность древнейших и древних людей, таким образом, подчинялась влиянию двух совершенно разных закономерностей, но прилагавшихся к одним и тем же индивидам, носителям этой коллективной деятельности»². Поэтому о человеке этого времени мы говорим как о становящемся человеке, обезьяно-человеке (питекантропе), подчеркивая его переходный характер. Нужно отметить, что в качественном отношении такой характер деятельности становящегося человека (подчинение общественным и биологическим закономерностям) сохраняется на протяжении от дошellsкой эпохи до мустье, от питекантропа до неандертальца включительно, т. е. в данном качественном отношении это один этап. Его существенной чертой является биологическое развитие становящегося человека под влиянием развивающегося производства. Производство не могло подняться на новую ступень без изменения физической организации человека, функционирование общественных закономерностей было ограничено биологическими.

В журнале «Вопросы философии» (1955, № 5) была опубликована статья Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», в которой автор считает неправомерным говорить о данном этапе как о ступени становящегося человека, относя его к чисто животному состоянию. Положительное значение этой статьи заключается в привлечении внимания философов к вопросам становления общества. Однако с основными положениями статьи нельзя согласиться.

Важнейшим положением статьи, как подчеркивал сам Б. Ф. Поршнева при обсуждении его статьи в Институте антропологии, является утверждение, что исторический материализм требует допущения существования дообщественных форм труда, т. е. труда животных. Это утверждение неверно. Можно ли действия животных и насекомых, связанные с орудиями, характеризовать категорией трудовой деятельности? На наш взгляд такое понимание категории труда неправильно. Познавая какое-либо явление, его структуру и функционирование, мы создаем ряд категорий, последовательно отражающих различные стороны этого явления, их взаимодействие. Система таких категорий, взятая как целое, дает конкретное знание исследуемого явления. Каждая из категорий такой системы действительна лишь в пределах самой системы и не может быть вынесена за ее пределы в качестве самостоятельной: это было бы равнозначно признанию существования стороны объекта вне самого объекта и его связей. Так обстоит дело, например, с категориями, развитыми Марксом в «Капитале». В 5-й главе I тома «Капитала» Маркс рассматривает процесс труда сначала независимо от определенной общественной формы. Означает ли это, что труд может осуществляться вне всякой общественной формы? Маркс рассматривает здесь способ производства безотносительно к его особым формам, но общественная форма как таковая с необходимостью включена в саму категорию способа производства. Маркс показывает, что категория труда и его простые моменты есть лишь определенная сторона (следовательно, аспект рассмотрения) производства и его простых моментов. Если рассматривать весь процесс труда с точки зрения его результата, то и средство труда и предмет труда выступают как средства производства, пишет Маркс, а самый труд — как производительный труд.

Речь идет об одном явлении, рассматриваемом с разных сторон. Но производство есть всегда способ производства, единство производительных сил и производственных отношений. Целое как таковое есть способ производства, причем лишь функционирование вещей в системе производственных отношений дает им их определенность как средств производства. Труд есть аспект функционирования производительных сил, которые являются таковыми только внутри способа производства. Поэтому выносить труд за пределы способа производства, как существующий вне его и

² Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии, М., 1955, стр. 316.

тем более как предшествующий возникновению всякого способа производства, недопустимо. Там, где нет производства, нет и труда. Труд и его простые моменты не могут быть вынесены за пределы способа производства как имеющие отдельное бытие, рассматриваться же они могут с любой стороны, в том числе с материально-вещественной.

Но если труд и производство существуют и являются таковыми лишь в системе целого, каковым является способ производства, т. е. в единстве с производственными отношениями, то это значит, что производство всегда является общественным производством, потому что производственные отношения — это и есть общественная форма процессов материального производства. Общественная форма оказывается включенной в самый способ производства. «Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидуумов»³. Следовательно, категории «труд», «производство» и «общество» взаимно предполагают друг друга. Каждая из этих категорий является действительной лишь в единстве с остальными. Поэтому утверждение Б. Ф. Поршнева о существовании дообщественных форм труда, труда животных, не может быть принято, так как оно является методологически несостоятельным. При исследовании проблем развития труда и производства трудящийся и производящий «субъект, т. е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка»⁴.

Что же имел в виду Маркс, когда он писал об употреблении и создании в зародышевой форме средств труда некоторыми видами животных? Эти зародышевые формы есть, очевидно, те «орудийные» действия животных, которые с материально-вещественной стороны напоминают трудовые действия человека и являются биологическими предпосылками его трудовой деятельности. Поэтому эти действия животных могут быть охарактеризованы как зародышевые формы трудовой деятельности человека. Однако это не более чем зародыш такой деятельности, остающийся на биологической стадии, так как только возникновение нового качества — материального производства в единстве с производственными отношениями — означает начало становления общества и качественное преобразование «орудийных» действий животных в трудовую деятельность становящегося человека. Причем в силу того, что это новое качество возникло внутри старого качества — биологических закономерностей, продолжавших действовать в том же коллективе, первые проявления нового качества по форме были еще животнобразными. Поэтому Маркс говорит о «первых животнобразных, инстинктивных» трудовых действиях, считая, что этот период характеризуется таким состоянием, когда «человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы»⁵.

Маркс говорит о ч е л о в е ч е с к о м т р у д е, не освободившемся еще от примитивной, животнобразной ф о р м ы. Точно так же, как человекообразное по форме еще не есть человеческое по содержанию — человекообразная обезьяна не есть человек, — так и животнобразное по форме не есть животное по содержанию. Б. Ф. Поршневу же в своей названной выше статье истолковывает приведенную мысль Маркса таким образом, что труд в этой форме «не дает еще принципиального отличия предков человека от животного, поэтому он и назван «животнобразным». Этот инстинктивный, первобытный, животнобразный труд в принципе еще столь же отличен от сознательного, разумного труда архитектора, как и труд пчелы» (стр. 147). Понятие животнобразного труда здесь подменяется трудом животного и насекомого, а принципиальным критерием человеческого труда оказывается сознательность, разумность.

³ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1951, стр. 195.

⁴ Там же, стр. 214.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 185.

Замена критерия производства критерием мышления, которая, на наш взгляд, имеет место в приведенном высказывании Б. Ф. Поршнева, вполне логична, если считать труд имеющим самостоятельное существование вне способа производства. Тогда труд оказывается таким видом деятельности, который присущ и человеку и животным, являясь их общим качеством. Специфику человека приходится в таком случае искать не в труде, а в сознательности труда. Не труд, а сознательность является критерием человека — к такому выводу неизбежно приводит критикуемая точка зрения. Согласно же историческому материализму, характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян, мы находим именно в труде, как подчеркивал Ф. Энгельс. Б. Ф. Поршнева пишет, что «бытие, с точки зрения материалистической философии, не только определяет сознание, но и предшествовало возникновению сознания» (стр. 148) и «спор идет о том, предшествовала ли мысль труду или труд — мысли» (стр. 148). Такая постановка вопроса является метафизической. Бытие и сознание понимаются здесь как неизменные, самостоятельные и равные сами себе сущности. Стремясь доказать существование труда вне и до общества и мышления, Б. Ф. Поршнева допускает существенную методологическую ошибку. Бытие, которое предшествовало возникновению сознания, — это не то бытие, которое определяет сознание. Бытие, которое предшествовало возникновению сознания — это бытие животного в системе биологических отношений в биогеографической среде. Бытие, которое определяет сознание (если речь идет о сознании), — это бытие человека (становящегося человека) прежде всего в системе производственных отношений, в общественной среде. Производство и сознание не возникли как данные единым актом, но прошли долгий процесс своего становления. Процесс становления общества — органического целого — есть единый процесс, где неразвитым формам труда соответствует неразвитая форма общества и сознания и где развитие труда и производства определяет развитие общественной формы и сознания. Это определяющее влияние имеет место внутри самодвижущегося целого. Но, очевидно, с точки зрения Б. Ф. Поршнева, спор о том, что чем определяется, равносителен спору о том, что чему предшествует и что возникает раньше: мысль без труда или труд без мысли. Такое понимание неправильно. Определяющее является таковым лишь тогда, когда оно определяет, поэтому определяющее и определяемое могут существовать в этом своем качестве лишь одновременно и лишь во взаимосвязи одного с другим.

Говоря о развитии производства, мы находим движущую силу его развития внутри самого этого производства, в диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений. Однако с точки зрения автора рассматриваемой статьи, развитие орудий производства вплоть до мустье не имеет такого источника, так как орудия производства, труд развивались вне производственных отношений, потому что, с его точки зрения, эти категории возникли одна после другой. Б. Ф. Поршнева пишет: «Как видим, перед нами отнюдь не схоластический спор, пока речь идет о порядке, в каком эти категории исторически возникали. В дальнейшем же труд, общество, мышление уже неразрывно связаны в диалектическом единстве и взаимодействии» (стр. 148). Он согласен признать диалектическое единство труда, общества и мышления лишь «в дальнейшем», а до этого элементы данного единства должны существовать сами по себе, дожидаясь возникновения остальных элементов, чтобы вступить с ними, наконец, в диалектическое взаимодействие. Б. Ф. Поршнева не учитывает, что труд, общество и мышление являются таковыми только в своем единстве, и поэтому то, что возникало до этого единства, не было ни трудом, ни обществом, ни мышлением, ибо только их единство и диалектическое взаимодействие дают им их определенность как труда, общества и мышления. Их неразвитость есть неразвитость этого единства, но его отсутствие есть отсутствие их самих.

Б. Ф. Поршнев пишет, что общество, мышление, речь не возникли автоматически тотчас после возникновения первых орудий труда, и делает отсюда вывод, что данный этап есть чисто животное состояние. Общество, конечно, не возникло единым актом с возникновением первых орудий производства. Но дело в том, что автор ставит вопрос так: либо общество, либо не общество; и если общество не возникает единовременным актом с первыми орудиями труда, то оно, очевидно, возникает таким актом где-то в конце мустье. Весь же вопрос должен заключаться в том, чтобы проследить процесс становления общественных закономерностей, стать на точку зрения развития. «От зачаточного животногообразного труда лежал огромный путь до труда как естественно-технической стороны и материальной основы общественного производства», — пишет далее автор рассматриваемой статьи (стр. 148). Но все дело в том, что такого пути как процесса и нет у Б. Ф. Поршнева, а есть противопоставление готового общества и первых форм труда, а так как это не одно и то же, делается вывод, что период до кроманьонца есть чисто животный, а с кроманьонца — чисто человеческий. Подменяя животноеобразную форму животностью содержания и сводя человеческое содержание к человекоподобной форме, Б. Ф. Поршнев пишет, что «наш предок вступил в мустьерскую эпоху еще животноеобразным существом, человекоподобным животным, а вышел из нее человеком, общественным существом» (стр. 153).

Как же обосновывает Б. Ф. Поршнев свой тезис, что трудовая деятельность питекантропов, синантропов и неандертальцев, развитие орудий производства от дошелльской эпохи до мустье происходили вне производственных отношений?

В его статье читаем: «Было бы крайним упрощением считать, что всякие отношения между индивидами в процессе труда («расстановка людей в процессе труда») есть производственные отношения. Тогда производственные отношения не могли бы отставать от состояния производительных сил, вступать с ними в противоречие. При таком понимании производственных отношений, конечно, оказалось бы, что они возникли вместе с первыми зачаточными орудиями труда» (стр. 148). Автор признает таким образом, с одной стороны, что отношения между индивидами в процессе труда возникли с первыми орудиями труда, а с другой стороны, отказывается считать эти отношения производственными в смысле специфически общественных отношений, в основе которых лежат отношения собственности. Технические (так называемые) отношения между индивидами в процессе труда, оказывается, могут существовать и функционировать вне производственных отношений и до них. Такая постановка вопроса неправомерна. И то и другое — отношения в процессе производства. Не существует технических отношений вне экономических и экономических вне технических. Одно и то же отношение есть единство технического и экономического. Экономика есть общественная форма процессов материального производства. Материально-технические производственные отношения между индивидами в процессе труда характеризуют производительные силы; их функционирование «есть вместе с тем создание определенных общественных производственных отношений»⁶. Предметом политической экономии являются общественные производственные отношения людей, т. е. именно экономическая форма процесса материального производства. Формулировкой в скобках Б. Ф. Поршнев намекает, очевидно, на извращение марксизма теорией равновесия в вопросе о производственных отношениях. Представители этой теории писали, что производители расставлены на фабрике как определенные физические тела и находятся поэтому в определенных физических, материальных отношениях во времени и пространстве. То же самое, писали они, в более обширном размере происходит и в обществе. Они сводили общественные производственные отношения, изуча-

⁶ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 40.

емые политэкономией, к техническим производственным отношениям. Согласно их философии, материальное значит физическое, натуральное; поэтому материальность производственных отношений они видели в том, что это отношения физические, которые можно, как говорится, пощупать. Общественную форму, конечно, пощупать нельзя. Ошибка здесь в сведении общественной стороны производства к вещественной. Из критики такого понимания вовсе, однако, не следует, что технические отношения не есть отношения в процессе производства или что они могут функционировать вне своей общественной формы. Если Б. Ф. Поршнев признает, что с первыми орудиями труда возникают и первые технические отношения между индивидами в процессе труда, то тем самым объективно он признает и наличие общественных отношений в процессе труда. Отставание же производственных отношений от производительных сил в смысле функционирования производительных сил вне производственных отношений и до них невозможно потому, что оба эти момента приобретают свою определенность именно как таковых моментов только в своем единстве, только в самом целом; вне этого целого нет ни производительных сил, ни труда, ни производственных отношений.

Обосновывая дальше свою точку зрения, Б. Ф. Поршнев отмечает, что основу производственных отношений составляет отношение людей к средствам производства, или та или иная форма собственности на средства производства. «Но чтобы возникло какое бы то ни было отношение людей к средствам производства, требуется прежде всего, чтобы сами средства, орудия труда, их изготовление и употребление достаточно развились как особая и решающая сторона жизни людей» (стр. 149). До этого, надо полагать, становящиеся люди трудились, изготавливали орудия производства, вообще никак к ним не относясь — без «какого бы то ни было отношения». Как же эти орудия вне всяких отношений к ним со стороны людей могли развиваться в особую и решающую сторону жизни этих людей? Б. Ф. Поршнев, очевидно, считает, что орудия труда могут производиться, употребляться и развиваться без «какого бы то ни было отношения» к ним людей. Орудия труда развиваются таким непостижимым способом до тех пор, пока они не станут решающей стороной в жизни людей — не имея, впрочем, никакого отношения к этим людям. Только после этого, согласно точке зрения Б. Ф. Поршнева, может возникнуть «какое бы то ни было отношение людей к средствам производства».

Желая доказать, что палеоантропы — только животные, Б. Ф. Поршнев совершенно покидает точку зрения развития, становления человека и его отношения к создаваемым, употребляемым и совершенствуемым им орудиям. Развитие же орудий труда вне всякого отношения к ним человека необъяснимо с позиций не только материализма, но и рационализма вообще.

«Пока изготовление орудий не стало настолько сложным, что перестало быть доступным каждому индивиду в отдельности, не могла возникнуть какая бы то ни было собственность на них», — аргументирует дальше Б. Ф. Поршнев свою точку зрения (стр. 149). Но подобный аргумент сам нуждается в доказательстве. В самом деле, основной чертой подавляющего большинства орудий производства первобытно-общинного строя является именно индивидуальность изготовления и употребления. Этнографией установлено, что и каменные орудия, и оружие первобытных людей изготавливаются не в кооперации с разделением труда, а индивидуальным путем. Изготовление орудий доступно каждому индивиду в отдельности. Однако на этом основании никто еще не решался отрицать наличия собственности на орудия, — наоборот, именно индивидуальность изготовления и употребления орудий производства (соответственно вложенный в орудия первобытного человека его собственный труд) служат в первобытном обществе основой личной собственности на эти орудия. Б. Ф. Поршнев совершенно не считается с данными этнографии, которые показывают нечто

прямо противоположное его утверждению⁷, и не считает нужным обратить внимание на прямое указание Энгельса, полностью соответствующее этим данным. Характеризуя экономический базис родового общества, Энгельс пишет, что здесь «каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий»⁸. Б. Ф. Поршневу же считает, что если каждому индивиду доступно изготовление орудий, то никакая собственность на эти орудия не может возникнуть. Данные этнографии опровергают такое представление. Первобытная кооперация функционирует не в изготовлении орудий производства, а в их совместном использовании, которое само обусловлено низким уровнем развития этих орудий. Если принять критерий наличия собственности на орудия, выдвинутый Б. Ф. Поршневым, то придется отрицать наличие собственности не только в первобытно-общинном строе. Но дело в том, что сам этот критерий не обоснован и противоречит фактическому положению вещей.

Автор продолжает: «С другой стороны, появление такого сложного общественного отношения, как собственность (первоначально коллективная, общинная), подразумевает относительно высокое развитие и самого человека. Маркс разъяснял: «... ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности» («К критике политической экономии», Введение, 1951, стр. 198). Но даже самые примитивные формы собственности не могут в отличие от примитивного труда носить «животнообразного», «инстинктивного» характера» (стр. 149).

Б. Ф. Поршневу допускает здесь ошибку, аналогичную отмеченной ранее. Маркс говорит о примитивной, животнообразной, инстинктивной форме первобытного труда, подчеркивая его слабую осознанность. Становление трудовой деятельности и становление сознания — единый процесс, и неразвитым формам труда соответствует неразвитая форма сознания (дело не обстоит таким образом, что сначала возникает трудовая деятельность вне всякого сознания, а затем осознанный труд: имеет место процесс развития сознания в процессе развития труда). Так же обстоит дело и с производственными отношениями: неразвитым формам труда соответствуют неразвитые формы производственных отношений. В. И. Ленин писал об анализе «материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей...)»⁹. Более того, эти отношения сами определяют развитие сознания. Анализируя единый процесс становления производства и сознания, нужно исходить

⁷ Об австралийцах, например, сообщается следующее: «Их копья и щиты, их дубинки и луки и т. д. являются их личной собственностью; они изготавливаются ими самими» (D. Collins, An account of the English colony in New South Wales, т. I, London, 1798, стр. 598). Об этом же говорится и в обобщающей работе Кнабенганса: «В действительности дело обстоит скорее так, что наиболее употребительные орудия, оружие и снаряжение каждый в отдельности умеет изготавливать для себя сам» (A. Knabenhans, Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen, Berlin und Leipzig, 1919, стр. 106). В работе современного исследователя также подчеркивается, что у австралийцев «каждый индивидуум изготавливает для себя большинство орудий и оружия, которыми он пользуется в своей повседневной жизни» (Donald F. Thomas, Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land, Melbourne, 1949, стр. 56). Аналогичные данные можно привести и в отношении аборигенов Новой Гвинеи: «Лук является основным и, несомненно, излюбленным оружием кукукуку, предназначенным как для охоты, так и для боя... каждый делает свои собственные лук и стрелы» (B. Blackwood, The Technology of a Modern Stone Age People in New Guinea, Oxford, 1950, стр. 38, 42). Так же обстоит дело и у огнеземельцев (племя она): «Не менее часто право собственности основывалось на непосредственном производстве и изготовлении предмета. Тот, кто произвел орудие, оружие, одежду и т. д. с затратой времени и сил, вследствие одного лишь этого факта становился и законным их владельцем... «Этот лук принадлежит мне, потому что я его сделал,— таково обычное объяснение» (M. Gutschmidt, Die Eigentumsverhältnisse bei den Selk'nam auf Feuerland, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd 58, H. 5/6, Berlin, 1927, стр. 407, 405) и т. д.

⁸ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1951, стр. 164.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 122.

из определяющего момента в развитии этого единого процесса, т. е. из производства, а не из сознания.

«Только вульгарные буржуазные экономисты, — утверждает Б. Ф. Поршнев, — отождествляют собственность с присвоением животным или человеком тех или иных элементов природы» (стр. 149). Это утверждение является путаным и неверным.

В действительности о собственности как о присвоении предметов природы говорит не кто иной, как сам Маркс (например во всей работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству»). Примечательно, что Маркс заявляет об этом на той же странице, которую Б. Ф. Поршнев только что процитировал. Маркс говорит: «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы¹⁰ внутри и посредством определенной общественной формы. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства»¹¹. Цитированное же Б. Ф. Поршневым место, находящееся немного ниже, выглядит в неурезанном виде так: «Но что ни о каком производстве, а стало быть ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, — это тавтология. Присвоение, которое не присваивает, есть *contradictio in subjecto*»¹². Совершенно ясно, что Маркс рассматривает собственность как присвоение, а так как общественное производство и есть присвоение, происходящее указанным образом, то Маркс говорит, что сказать «собственность (присвоение) есть условие производства», значит сказать, что присвоение есть условие присвоения, т. е. то же самое.

Различие же между Марксом и вульгарными экономистами заключается как раз в том «или», которое у Б. Ф. Поршнева никакого значения не имеет, когда он пишет об отождествлении собственности с «присвоением животным и л и (подчеркнуто мной. — Г. Х.) человеком тех или иных элементов природы». Маркс считает собственностью присвоение внутри и посредством определенной общественной формы, т. е. лишь опосредствование общественным производством, производственными отношениями означает действительное присвоение предмета. Но это имеет место лишь у человека. Производство с его сторонами и человек — неразрывно связанные вещи, становление одного есть в то же время и тем самым становление другого. Процесс становления человека есть процесс становления и производственных отношений, отношений собственности. Для тех же экономистов, о которых пишет Б. Ф. Поршнев, категории присвоения и общественного производства не связаны между собой. Поэтому Летурно в своей книге «Эволюция собственности» говорит о собственности у животных. Маркс в полемике против Прудона, Маркс и Энгельс в полемике против Гейнцена многократно подчеркивали решающий характер критерия производственных отношений в вопросе о собственности. Для вульгарных экономистов здесь не составляет существенной разницы — животное или человек, так как для них нет критерия производства и производственных отношений, понимания сущности человека. Марксизм связывает собственность только с человеческим обществом, так как критерий производства является для марксизма основным.

Таким образом, те аргументы, которыми Б. Ф. Поршнев обосновывает свой тезис о том, что трудовая деятельность первобытных людей вплоть до кроманьонца и развитие орудий производства вплоть до мустье происходили вне производственных отношений, не могут быть приняты.

Становление же производственных отношений в процессе развития орудий производства означает становление общества, нового качества. «Общество не состоит из индивидуумов, но выражает сумму тех связей, отношений, в которых находятся между собой эти индивидуумы», — гово-

¹⁰ У Маркса сказано «*Aneignung der Natur*», т. е. присвоение природы.

¹¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 198.

¹² Там же.

рит Маркс¹³. Поэтому период от питекантропа до неандертальца включительно, в течение которого идет процесс становления именно тех связей и отношений, о которых говорит Маркс, есть период становления общественных закономерностей, процесс скачка, а не чисто животное состояние.

Б. Ф. Поршнев утверждает, что ссылка на слова Энгельса «ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа»¹⁴ является необоснованной. «Сколько бы ни подражала обезьяна человеку, изготавливающему из булыжника каменный нож, она не способна на это: понадобились сотни тысяч лет, чтобы от примитивного раскалывания камня человек дошел до изготовления каменных ножей (хотя это орудие, на наш взгляд, и примитивно). Вот о чем говорит Энгельс, а ему пытаются приписать обратное, будто под «каменным ножом» он разумеет самые первоначальные, примитивно обитые камни, хотя он, прямо пишет, что древнейший труд требовал гораздо более «простых операций» руки, чем изготовление каменного ножа» (стр. 150). А так как в любом учебнике археологии можно прочесть, что только в верхнем палеолите, в ориньякское время, появился настоящий нож, то, по мнению Б. Ф. Поршнева, нет, очевидно, оснований считать предшественников кроманьонца чем-то большим, чем просто обезьяной.

Прежде всего, Энгельс не так «прямо пишет», как автор разбираемой статьи, что древнейший труд требовал гораздо более простых операций руки, чем изготовление каменного ножа. Энгельс говорит: «...те операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку на протяжении многих тысячелетий постепенно научились приспособлять свою руку, могли быть вначале только очень простыми»¹⁵.

Труд начинается с изготовления орудий¹⁶, говорит Энгельс. А каменным ножом Энгельс называет каменные орудия вообще, в том числе и их первые формы. На той странице, на которую ссылается Б. Ф. Поршнев, Энгельс говорит о превращении первого кремня в нож, а выше он прямо (на сей раз действительно прямо) пишет о появлении «каменного ножа, этого первого орудия»¹⁷. Выходит, что не противники Б. Ф. Поршнева, а он сам «пытается приписать обратное» Энгельсу. Вряд ли Б. Ф. Поршнев решится назвать верхнепалеолитический нож первым орудием. Тем более не мог этого сделать Энгельс, который еще в 1863 г. писал Марксу, что в 1842 г. Буше-де-Перт нашел в Аббевиле каменные орудия Соммского бассейна и правильно установил их геологический возраст. А эти орудия относятся к нижнему палеолиту. Таким образом, Энгельс связывает возникновение труда с изготовлением первых каменных орудий, что не может служить подтверждением основных тезисов Б. Ф. Поршнева, для которого здесь никакого нового качества не возникает. «Изготовление и употребление этих орудий является инстинктом данного вида — сложным наследственным безусловным рефлексом, присущим этому виду в той же степени, как и другие характерные для него функции и морфология организма. Вот что важно для отличия орудий животных от орудий общественного человека», — пишет автор (стр. 151), считая, что изготовление орудий у питекантропов, синантропов и неандертальцев носило безусловнорефлекторный характер, и видя в них поэтому только животных.

О замене критерия производства критерием сознательности уже говорилось выше. В данном случае, кроме того, вызывает сомнение безусловнорефлекторный характер изготовления орудий у докроманьонцев. В самом деле, ведь предки питекантропов никаких каменных орудий не изготавливали — изготовление этих орудий было новым явлением. Оно возникло как новый способ отношения к среде, это была ломка безусловных реф-

¹³ К. Магх, Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie, Berlin, 1953, стр. 176.

¹⁴ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 133.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 137.

¹⁷ Там же, стр. 80.

лексов. Много видов обезьян вымерло в эту фазу четвертичного периода, не сумев приспособиться к новым условиям. То, что вымершие обезьяны не смогли перейти к изготовлению орудий труда, можно объяснить, между прочим, системой их безусловных рефлексов. Но переход к изготовлению орудий труда этой системой объяснить нельзя — наоборот, такой поворот мог произойти только при условии ломки соответствующих безусловных рефлексов.

Ссылаясь на С. Н. Замятина, Б. Ф. Поршневу пишет, что «сотни тысяч лет рубило оставалось неизменным», а это говорит о чисто биологической связи данного вида с данным орудием. «В ашельскую и особенно в мустьерскую эпоху каменные орудия начинают медленно изменяться...» (стр. 152; разрядка моя.— Г. Х.). Это неверно: каменные орудия в ашельскую эпоху не начинают, а продолжают изменяться — отличие здесь принципиальное. Ручное рубило — этап в развитии каменных орудий, а не начало этого развития, к тому же само не развивающееся. Прямо в адрес Б. Ф. Поршневу направлены следующие слова именно С. Н. Замятина: «Получилась явная несообразность. История развития орудий начиналась теперь прямо с ручного рубила, хотя уже и для Мортилье было ясно, что это достаточно сложное и совершенное орудие является не начальным звеном развития техники, а результатом длительного исторического развития. Ошибка Мортилье состояла в том, что он относил это развитие за пределы человеческого состояния. Откинув же наиболее ранние моменты развития орудий, невозможно было объяснить их появление. Ручное рубило возникает, как чудо, на заре человеческой истории»¹⁸.

С. Н. Замятин подходит к вопросу с совершенно верных методологических позиций. Ручное рубило для него — само результат развития и этап такого развития (соответственно — изменения), поэтому для него существует «развитие и усовершенствование формы ручного рубила»¹⁹; «везде мы прослеживаем один и тот же, сходный во всех существенных деталях процесс»²⁰. Проследив процесс, приведший к появлению относительно устойчивых форм каменных орудий, С. Н. Замятин делает следующий вывод: «Достижения эти, на первый взгляд столь незначительные, на самом деле имели колоссальное значение, представляя, по существу, скачок от животного к человеческому, и смогли быть закреплены лишь многими тысячелетиями человеческой практики»²¹.

Точка зрения С. Н. Замятина, его послышки и выводы, как мы видим, противоположны основным положениям Б. Ф. Поршневу и обоснованием их служить не могут. В отличие от С. Н. Замятина, Б. Ф. Поршневу не видит всей линии развития каменных орудий, логики этого движения.

Чтобы наглядно представить отличие всего этого процесса от исторического, Б. Ф. Поршневу ссылается на медленный темп развития орудий производства в раннем палеолите. «Конечно,— пишет он,— и это темп относительно высокий по сравнению с трансформацией многих других видов, но все же это темп биологического порядка» (стр. 152). Этот аргумент неубедителен, так как дело не в скорости протекания процесса, а в его качественной характеристике. Если критерием взять категорию темпа, то тогда окажется, что весь первобытно-общинный строй есть животное состояние. И родовой строй и, например, социализм являются обществами, но разница в темпах их развития примерно такая же, как разница в темпах развития родового строя и биологических видов. Однако вряд ли наука согласится на этом основании считать, скажем, коренное население Австралии, еще в XIX в. находившееся в отношении развития орудий про-

¹⁸ С. Н. Замятин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 99.

¹⁹ Там же, стр. 109.

²⁰ Там же, стр. 117.

²¹ Там же.

изводства на уровне мезолита, животными. Отсюда ясно, что категория темпа не может служить решающим критерием в вопросе о том, имеем ли мы дело с общественным развитием или только с биологическим. Медленный темп развития орудий производства в нижнем палеолите объясняется тем, что общественные закономерности находились в процессе становления и не имели полного простора для своего действия, так как биологическая структура производителя создавала определенные ограничения развития общественных закономерностей.

Б. Ф. Поршнев считает, что только с того времени, когда возникает изготовление орудий, служащих для изготовления орудий и орудий «комбинированного» характера, составные части которых изготавливаются порознь и бесполезны в отдельности, можно говорить о производстве орудий (стр. 152). Это неверно. Во-первых, с этого времени можно говорить о производстве не просто орудий, а о производстве специальных орудий для производства орудий производства, что означает новую ступень развития производства, а не появление его. Во-вторых, предшествовавшие этому этапу каменные орудия типа шельского рубила также не могли быть изготовлены голой рукой. Производство каменных орудий с самого начала требовало опосредствующего воздействия другого каменного орудия, которое здесь, в процессе изготовления собственно каменного орудия, функционировало как средство производства для производства средств производства. Различие заключается в том, что в нижнем палеолите не было производства специальных орудий для производства орудий, потому что такая специализация второго рода нужна для специализации первого рода, т. е. выделения различных типов орудий специального назначения, а такой специализации в развитой форме в нижнем палеолите не было. (Отметим, кстати, что ручные рубила никогда не были единственным видом орудий, находившимся в употреблении первобытного человека; в любой момент их бытования они дополнялись грубыми массивными отщепами, количественно во много раз превосходившими рубила.) Функция средства производства для производства орудий была, но она не была закрепленной, так как не было специального производства таких орудий. Появление специальных орудий для производства орудий есть новый этап в развитии производства; здесь нужно отметить, что производство этих орудий «второго порядка» также происходит при помощи каких-то орудий. Каменное орудие любого типа может быть произведено только орудием же: такой опосредствующей деятельности у животных нет. Выделение производства орудий для производства орудий производства в особую отрасль — вот в чем состоит то новое, что приносит верхний палеолит в этой области. Б. Ф. Поршнев же видит здесь новое в том, что теперь не обязательно один индивид осуществлял всю цепь различных действий по изготовлению орудия, значит, производство — это нечто уже не вполне совпадающее с прирожденной каждому из них инстинктивной деятельностью, и на этой ступени могла возникнуть какая-то простейшая коллективная ответственность на орудия. Все эти аргументы уже были разобраны выше.

«Важнейшим же признаком, отличающим орудия человека от орудий животных, служит факт развития, изменения орудий у человека при неизменности его как биологического вида. Только при этом условии мы вправе говорить о развитии производительных сил, а не о развитии биологических видов», — пишет дальше Б. Ф. Поршнев (стр. 152). Здесь он снова ставит вопрос по принципу «либо — либо»: либо только развитие производительных сил, либо только биологическое развитие. На стр. 149 он пишет, что до возникновения общества прошли сотни тысяч лет, «в течение которых предок человека трудился и развивался под воздействием труда», но, по его мнению, этого недостаточно, чтобы считать, что средства, орудия труда, их изготовление и употребление развились «как особая и решающая сторона жизни людей», так как труд не носил еще вполне сознательного характера. Если факт развития предка человека под воздействием

труда, признаваемый Б. Ф. Поршневым, не означает решающей роли труда в жизни людей, то что же играет тогда решающую роль в развитии становящегося человека? Что было движущей силой этого процесса?

Б. Ф. Поршневу неправильно понимает развитие; для него решающее — значит количественно преобладающее в данный момент. Поэтому, если на первых порах биологические закономерности преобладают, он отказывается признать функционирование становящихся общественных элементов вообще, отказывается признать за ними роль решающей стороны в жизни людей. «Пока орудия труда играли только вспомогательную, подчиненную роль в совокупности приемов добывания средств к жизни, отношения между индивидами еще не могли определяться их отношением к средствам труда» (стр. 149); поэтому труд не был решающей стороной жизни людей и отсюда, по логике автора, вообще не было «какого бы то ни было» отношения людей к средствам производства. Аргументы относительно отсутствия производственных отношений уже разбирались выше. В данной же связи важно то, что понять действительно решающую роль труда в жизни людей можно только с точки зрения всего развития, проследив его закономерности и тенденции. Тогда окажется, что ключом ко всему процессу очеловечивания является именно этот общественный элемент, трудовая деятельность, которая определяет направление всего развития.

Исходя из принципа «либо — либо», вообще невозможно понять, почему действие биологических закономерностей вдруг оказалось снятым. Было чисто животное состояние — оказалось чисто общественное. Как это могло случиться, остается непонятным.

Б. Ф. Поршневу отстаивает правильность формулировки Ленина «первобытное стадо» против тех, кто считает ее устаревшей, и справедливо критикует А. Я. Брюсова, считающего питекантропов людьми в полном смысле этого слова. Но когда он выдвигает свое понимание первобытного стада, то оказывается, что оно совершенно иное, чем у Энгельса и Ленина. Энгельс в письме к Лаврову говорит о стадной жизни первых людей²², Ленин в письме к Горькому, противопоставляя зоологические и общественные тенденции, говорит, что «в действительности «зоологический индивидуализм» обуздали не идея бога, обуздали его и первобытное стадо и первобытная коммуна»²³. Ясно, что понятие «первобытное стадо» есть характеристика ранних форм общественных отношений, этап становления общества. Б. Ф. Поршневу же пишет: «Стадо не низшая стадия общества, а явление чисто биологическое и в этом смысле противоположное обществу. В стаде нет и не может быть никаких производственных отношений, никакой надстройки» (стр. 155).

Дело, конечно, не в цитатах, но не нужно приписывать авторам цитат прямо противоположных им мыслей. Аргументы, приведенные самим Б. Ф. Поршневым в обоснование такого понимания первобытного стада, разобраны выше и не могут быть приняты. Правда, он приводит еще один аргумент: он считает, что в докроманьонский период мы можем говорить лишь о потреблении в физиологическом смысле, но не о потребностях в общественном смысле. «Таким образом, совершенно неверно исходить из «потребностей» палеоантропов и видеть в их орудиях или кострищах сознательные средства, пусть несовершенные, для удовлетворения этих потребностей. Это столь же неверно, как выражения «собака захотела», «собака подумала» (стр. 156). Здесь опять автор видит критерий существования общественных потребностей в их осознании. Для него проблема возникновения общества есть проблема возникновения сознания. Он так и пишет об изучении «перехода от стада к обществу, от инстинктивного человека к сознательному» (стр. 153). Само производство есть для

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 307.

²³ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 93.

него либо полностью осознанное производство, либо вообще не производство. Сознание — вот критерий появления человека.

Инстинктивным человеком Б. Ф. Поршневу предлагает назвать все докроманьонские формы человека. «Номо *instinctivus* — это переходное существо между обезьяной и человеком, обезьяно-человек в широком смысле» (стр. 153). В чем же состоит переходный характер этого существа, которому отказано в производстве и в сознании? В чем это существо является человеком? Автор пишет: «Буржуазные антропологи и археологи отбрасывают дарвинистское понятие обезьяно-человек, для них фактически существует либо обезьяна, либо человек, хотя бы древнейший человек физически и походил еще на обезьяну» (стр. 153). Критика вполне справедливая, но она, как мы сейчас увидим, относится и к самому автору разбираемой статьи, который выдвигает свое понимание обезьяно-человека. «Обезьяно-люди не обезьяны в том смысле, что ряд биологических признаков отличает их от остальных обезьян» (стр. 154). «Тезису, что хотя телом палеоантропы еще не люди, но сущностью они уже люди, мы должны противопоставить обратный тезис: хотя телом они уже похожи на людей, сущностью они еще не люди, а животные. Только в таком случае понятие обезьяно-человек имеет смысл» (стр. 154).

Как раз именно в таком случае понятие обезьяно-человек не имеет никакого смысла. Если палеоантроп только рядом биологических признаков отличается от обезьян, то это лишь другой вид обезьян. Что касается схожести тела, то разве это привилегия палеоантропов? У современных человекообразных обезьян (именно *человекообразных обезьян*, т. е. животных, напоминающих строением тела человека) насчитывается огромное количество признаков, сходных с человеческими. По логике Б. Ф. Поршнева, это должны быть самые настоящие обезьяно-люди. А разве строение тела других млекопитающих не сходно с человеческим во многих и весьма существенных чертах? «На каждом шагу натыкаешься на полнейшее совпадение строения человека со строением остальных млекопитающих; в основных чертах это совпадение простирается и на всех позвоночных и даже — в более скрытой форме — на насекомых, ракообразных, червей и т. д.», — писал Энгельс Марксу²⁴. Можно себе представить, каких переходных «людей» мы найдем, если применять критерий схожести. Переход есть переход в сущности, и это особенно верно по отношению к становлению человека. Видеть критерий переходности в «сходности» ненаучно.

Впрочем, и сам автор разбираемой статьи не скрывает, что его обезьяно-люди — настоящие животные, и пишет о необходимости изучать палеоантропов «как животных среди животных» (стр. 156). Как видно, для самого Б. Ф. Поршнева фактически существует либо обезьяна, либо человек. Поэтому он и отрицает что-либо качественно новое у докроманьонцев. Этот этап становления человека он выносит в чисто животное состояние; люди появляются сразу как люди современного типа. Поэтому он и предлагает, чтобы антропологи, справедливо признающие наличие двух важнейших поворотных пунктов в становлении человека, отказались от признания первого скачка, первого этапа становления человека. Однако аргументация, которую Б. Ф. Поршневу привел в защиту своей точки зрения, не может быть признана убедительной.

Таким образом, является правильной теория, признающая, что первый этап единого скачка, процесса становления общественных закономерностей, есть возникновение, функционирование, развитие элементов нового качества — общественных отношений — внутри старого качества, биологической формы движения материи. Направление всего развития человека определялось развитием именно этих общественных элементов. Изменение физического типа древнейшего человека, прошедшее ряд ступеней,

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 104.

было вызвано объективными требованиями становящегося производства к производителю. Биологическая ограниченность преодолевалась таким образом развитием нового качества.

Создание биологической структуры, открывающей неограниченные возможности прогресса производства и общества в целом, достигнутое в результате всего предшествующего развития, второй важнейший поворотный пункт становления общества, означало, что теперь общественные закономерности действуют в адекватной себе форме — ими же созданной. Возникает общество как таковое. Человек современного типа свободен как общественное существо от биологической предопределенности. Человек в этом своем общественном качестве не предопределен специально ни к чему — тем самым он может быть всем. Развитие производства, освободившись от сковывающих его функционирование биологических рамок производителя, подчиняется теперь лишь собственным законам. Все значение этого второго поворотного пункта может быть понято лишь в свете развития производства человеком современного типа от ориньяка до наших дней. Возможности развития производства теперь ограничены лишь самими этими возможностями, и переход производства в его развитии на новую ступень не обусловлен изменением физического типа производителя. Это лишает расистские «теории» всякой основы. Наиболее отсталые народы России и Китая на протяжении жизни одного поколения осуществляют переход от родового строя к социализму.

Общественные закономерности с необходимостью предполагают преодоление в сфере своего действия биологических закономерностей — и в этом состоит весь смысл процесса становления общества, содержание этого процесса. И только весь процесс скачка, взятый в целом, во взаимосвязи двух его важнейших этапов, дает ответ на вопрос о возникновении общества. Только последовательно проведенная точка зрения развития дает возможность правильно отразить объект в его движении, внутренних тенденциях и направлении развития процесса. Единый скачок становления общества, понимаемый как процесс, и два важнейших этапа, характеризующих развитие самого этого процесса, — такова наиболее обоснованная в настоящее время точка зрения на проблему возникновения общества.